

150-летию со дня рождения М. П. Мусоргского посвящается

Галерея образов в операх Мусоргского

На снимках (сверху вниз): А. Пирогов — Борис Годунов; М. Макакова — Марина Мнишек («Борис Годунов»); М. Рейзен — Досифей («Хованщина»); И. Козловский — Юродивый («Борис Годунов»).

Пропагандируя великие творения

И. ПЕТРОВ,
народный артист СССР

было на высочайшем профессиональном уровне.

На смену Пазовскому пришел другой выдающийся дирижер, талантливый интерпретатор русской классики — Н. С. Голованов. Снова началась каждодневная интенсивная работа, которая увенчалась новой премьерой «Бориса Годунова». Теперь постановка получила самую высокую оценку публики и прессы, постановщики и исполни-

И. Петров в роли Бориса Годунова.

тели были удостоены звания лауреатов Государственной премии СССР.

Я не был участником этого спектакля, но присутствовал почти на всех репетициях и, конечно, на премьерных спектаклях. Теперь я начал понимать, что такое М. П. Мусоргский. Это огромная глыба! Да нет! Пожалуй не глыба, а гора волшебной музыки, которая не давит своей мощью, а увлекает, зовет к творчеству. И во мне зародилась мысль «Когда-нибудь... и скоро, может быть, тебе все это... спеть придется».

Мечта спеть Бориса не покидала меня. Но у театра свои планы: ставится опера «Мазепа», где я должен исполнять партию Кочубея. И в 1949 году в Филиале Большого театра состоялась премьера этой оперы, прошедшая с большим успехом, а постановщики спектакля и исполнители главных ролей, в том числе и я, были отмечены Государственной премией СССР.

И вновь интересная и большая работа — готовится постановка оперы Мусоргского «Хованщина».

Мне была поручена роль Досифея. Не скрою, что работа с такими выдающимися мастерами, как М. О. Рейзен, Н. С. Ханаев, Г. М. Нэлепп, А. П. Иванов, М. П. Макакова, В. А. Давыдова, А. Ф. Кривченя, В. Н. Лубенцов, не только радовала нас, молодых артистов, но и обязывала всегда быть в форме, упорно работать, чтобы быть на уровне этих корифеев. Весь репетиционный период проходил чрезвычайно интересно — это был настоящий творческий процесс: не только репетиции в классах или на сцене, но повседневные обсуждения в кулуарах театра, в оперной канцелярии, в дирижерской комнате, в фойе, а подчас и просто в коридоре, и разговоры были лишь о том, чтобы лучше сделать спектакль.

И в 1950 году Большой театр порадовал публику новым прекрасным спектаклем. А для меня он был особенно памятным, потому что в моем репертуаре появилась такая яркая, сильная и монументальная роль, и к тому же я был второй раз удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Теперь, казалось, можно осуществить мечту — спеть Бориса, но интересы театра пока требовали другого. И я спел партию Морозко в одноименной опере М. Красева (между прочим, прелестная детская опера, и жалко, что ее нет в репертуаре театра). Спел партию Нила-канта в «Лакме» Л. Делиба, Варяжского гостя в «Садко» Н. Римского-Корсакова и Раффиса в «Аиде» Дж. Верди.

В 1951 г. театр приступил к репетициям еще одной оперы М. Мусоргского — «Сорочинская ярмарка». И хотя я не был в составе исполнителей, но заинтересовался работой. Побывав на двух-трех репетициях, я увлекся работой А. Ф. Кривчени, который создавал очень яркий, полный украинского юмора образ неповоротливого, ленивого Черевика, в такой же степени поразил меня и С. Я. Лемешев, которого мы привыкли видеть в амплуа героя-любовника, и вдруг такая резкая перемена — ультрахарактерная партия — Афанасия Ивановича с его елейностью, набожностью, гнусавостью, и все это — необычайно комично.

Глядя на них, и мне захотелось выступить в этой опере. Но мой голос и внешность никак не подходили для роли Черевика, и я предложил постановщику спектакля Л. В. Баратову занять меня в роли Кума. Он с радостью согласился, и [Окончание на 4-й стр.]

Мусоргский в Большом театре

«БОРИС ГОДУНОВ».

Первая постановка — 16 декабря 1888 г.

Дирижер — И. Альтани, режиссер — А. Барцал, художник — К. Вальц.

Вторая постановка — 13 апреля 1901 г.

Дирижер — И. Альтани, режиссер — Р. Василевский, художник — К. Вальц.

Третья постановка — 18 января 1927 г.

Дирижер — А. Пазовский, режиссер — В. Лосский, художник — Ф. Федоровский.

Четвертая постановка — 20 июня 1946 г.

Дирижер — А. Мелик-Пашаев, режиссер — Л. Баратов, художник — Ф. Федоровский, балетмейстер — Л. Лавровский.

Пятая постановка — 16 декабря 1948 г. (включая сцену «Под Кровами»).

Дирижер — Н. Голованов.

Спектакль удостоен Государственной премии СССР в 1949 году.

«ХОВАНЩИНА».

Первая постановка — 12 декабря 1912 г.

Дирижер — Д. Похитонов, режиссер — Ф. Шаляпин, художник — К. Коровин, балетмейстер — А. Горский.

Вторая постановка — 17 мая 1928 г.

Дирижер — В. Сук, режиссер — И. Лапицкий, художник — М. Курилко, балетмейстер — Л. Лещин.

Третья постановка — 25 ноября 1939 г.

Дирижер — Л. Штейнберг, режиссер — В. Раппопорт, художник — К. Юон, балетмейстер — Е. Долгинская.

Четвертая постановка — 13 апреля 1950 г.

Дирижер — Н. Голованов, режиссер — Л. Баратов, художник — Ф. Федоровский, балетмейстер — С. Корень.

Спектакль удостоен Государственной премии СССР в 1951 году.

«СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАКА».

Первая постановка — 10 января 1925 г.

Дирижер — Н. Голованов, режиссер — А. Петровский, художник — Е. Соколов, балетмейстер — В. Рябцев.

Вторая постановка — 9 марта 1952 г.

Дирижер — М. Жуков, режиссер — Л. Баратов, художник — Е. Чемодуров, балетмейстер — Р. Захаров.

Спектакль был в репертуаре театра до 1955 г.

Советский артист - 1989. - 17 марта

Пропагандируя великие творения

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

в премьеры «Сорочинской ярмарки» я исполнял партию Кума.

Итак, я стал участником двух спектаклей М. П. Мусоргского — «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка».

Что же теперь? А теперь художественное руководство театра предложило мне приготовить роль Бориса. Вокальную партию я уже знал хорошо и начал работать над деталями, шлифовать образ с великолепным музыкантом-дирижером А. Ш. Мелик-Пашаевым. С увлечением и большой радостью работал с постановщиком оперных режиссеров — Л. В. Баратовым. В создании внешнего облика моего героя мне помогал своими добрыми советами выдающийся театральный художник Ф. Ф. Федоровский.

Приступив к работе над ролью Бориса, я уже имел десятилетний стаж и солидный репертуар. Назову лишь ведущие партии: Гремин, Дон Базилио, Рене, Галицкий, Еремка, Руслан, Мефистофель, Кочубей, Нилаканта, Досифей, Рамфис, Варяжский гость. Это вселяло в меня надежду на успех в новой, долгожданной и желанной работе.

И вот состоялось мое первое выступление в «Борисе Годунове». Это было большим событием в моей жизни. Но оно мне памятно и по другой причине.

Спектакль этот шел вечером 5 марта 1953 г. в день смерти И. В. Сталина.

Днем я готовился к спектаклю, но все время ждал звонка из театра об отмене спектакля, так как шли упорные разговоры о том, что Сталин уже скончался. Однако я пришел в театр, загримировался, надел костюм и ждал начала спектакля. Какая-то мрачная, гнетущая атмосфера царилась за кулисами и в зрительном зале и это передавалось мне.

Начался спектакль. Прошла сцена у Ново-Девичьего монастыря. Идет моя сцена — Коронация. Я приготовился к выходу, а сам думаю — как же примет меня публика, если такое у всех мрачное настроение. Не помню, как провел первую сцену, как звучал голос, но когда закрылся занавес, публика приветствовала меня мощными и дружными аплодисментами и вызвала на поклон. От сердца отлегло.

После «Терема» успех стал еще больше, а в конце оперы, после смерти Бориса, в мой адрес звучала дружная овация публики. По окончании спектакля на сцене, за

кулисами, в гримборной звучали поздравления с творческой победой, объятия, поцелуи.

Так постепенно М. П. Мусоргский вошел в мою творческую жизнь и занял в ней главенствующее место.

Но все вышесказанное касается только моей работы в Большом театре. А ведь мне в операх Мусоргского, особенно в «Борисе Годунове», пришлось много раз выступать в других оперных театрах — и у нас в стране, и во всех крупнейших театрах мира.

В 1954 году я получил приглашение из Парижской Гранд Опера выступить в «Борисе Годунове» в роли Бориса, а также в «Фаусте» в роли Мефистофеля. Предложение было заманчивым и в то же время очень вызвало меня. Во-первых, на этой сцене никто из советских певцов не выступал, а во-вторых, и это — самое главное, в течение многих лет наш великий актер и певец Ф. И. Шаляпин именно в этих ролях блистал на сцене Гранд Опера.

Но я вспомнил нашу поговорку «Смелость города берет» и отправился во Францию. И вот я уже репетирую Бориса. Все идет хорошо. Дирижирует Жорж Себастьян. Все темпы, все условности как у нас. Он меня спрашивает: «Вам удобно?» — «Удобно», — отвечаю я.

Тогда он открыл мне «секрет». Много лет Себастьян работал у нас в Радиокомитете, был ассистентом у Н. С. Голованова и хорошо освоил русский репертуар.

И вот спектакль. Я готовлюсь к своему выходу. Вышел. На сцене все замерли, склонились ниц. Начал свой монолог «Скорбит душа». Голос идет легко, видимо, акустика хорошая. Закончил монолог. Занавес опустился (в Гранд Опера он не раздвигается, а опускается), и — мертвая тишина в зале. Сердце ушло в пятки. Провалился! Но после солидной паузы — мощный взрыв аплодисментов и неоднократные вызовы на поклон.

В Гранд Опера «Борис» шел с одним антрактом после «Терема». После окончания этой сцены, вместо того, чтобы пойти сменить костюм и парик, приклеить другую бороду и усы, внести нужные штрихи в грим и хотя бы немного отдохнуть, пришлось в течение всего антракта выходить на вызовы парижской публики.

Сказать, что это было приятно — значит, ничего не сказать. Это было огромной радостью! На следующий день во всех газетах появились, на мой взгляд, даже чересчур хвалебные статьи. Но эти гастрольные памятки еще и тем, что «Общество певцов Гранд Опера» избрало меня своим почетным членом. На приеме по этому поводу президент Общества Эдмон Шастене, вручая мне адрес и карточку почетного члена этой организации, сказал: «Не только в Гранд Опера — в любом оперном театре Франции будут рады Вашему приезду и Вашему желанию выступить в любой опере по Вашему усмотрению».

И на следующий год в Тулузе и Ницце был поставлен «Борис Годунов» с моим участием. Я не раз гастролировал во Франции, пел на разных сценах, но всегда с особым удовольствием выступал в роли Бориса в Гранд Опера.

Конечно, мне памятен 1964 год — первые гастрольные выступления в Милане. Спектаклем «Борис Годунов» театр открывал свои выступления в Ла Скала. Я пел премьеру, и мне не забыть торжественной, праздничной обстановки в зале. Весь зрительный зал в живых цветах. Дамы в роскошных вечерних туалетах, мужчины — в смокингах, крахмальных рубашках, с бантиками.

Восторженный прием публики по ходу и в конце спектакля. Несмолкаемые овации. Это был подлинный триумф искусства Большого театра.

Но для меня Милан памятен еще одним незабываемым событием.

На утро после премьеры мне позвонила Валли Тосканини (дочь знаменитого дирижера), с которой мы успели подружиться, и попросила меня к 7 часам вечера прийти в театр, в ложу дирекции, сказав при этом: «Я Вас представляю одной даме, знакомство с которой Вам будет небезынтересно».

Заинтриговала меня. Что же это за дама? Я вовремя явился в театр, и не успели мы с Валли Тосканини поприветствовать друг друга, как в ложу вошла высокая, стройная, симпатичная дама с копной седеющих волос.

«Познакомьтесь, Иван Иванович», — сказала Тосканини, — это дочь Федора Ивановича Шаляпина, Марина Федоровна».

Завязалась беседа. Говорили о вчерашнем спектакле. Много теплых и приятных слов произнесла Марина Федоровна, а затем, открыв свою сумочку, достала маленькую синенькую коробочку и, протянув ее мне, сказала: «Это, Иван Иванович, Вам маленький сувенир за Вашего Бориса». «Что же в этой коробочке?» — спросил я. — «Можно ее открыть?».

Открыв коробочку, я увидел кольцо. Марина Федоровна сказала: «Мой отец, когда пел Бориса, надевал это кольцо на безымянный палец правой руки». Я не находил слов для благодарности.

И теперь это для меня — драгоценный сувенир, бесценная реликвия, которую я свято храню.

В середине 60-х годов я стал счастливым свидетелем того, как оперы Мусоргского завоевывают все новые сцены, получают все более широкое распространение, завоевывают новые зрительные залы.

В 1965 году я был на гастрольях в США. В Новом Орлеане я пел в концертном исполнении «Бориса Годунова». На меня произвели большое впечатление дирижер Питер Пуль Фукс, прекрасно управляющий оркестром, солисты, великолепно исполнявшие свои партии на русском языке. И уж совсем покoren я был студенческим хором из соседнего города Батон Руж. 220 симпатичных молодых людей пели всю оперу стройно, четко (и тоже — на русском языке). Весь вечер носил приподнятый, праздничный характер.

У меня нет возможности рассказать о всех спектаклях Мусоргского, спетых мною на сцене наших театров и за рубежом. Но к самым ярким впечатлениям я отношу выступления Большого театра в Монреале на ЭКСПО-67, где гастроль открывались «Борисом Годуновым» с моим участием.

Очень интересной была поездка на фестиваль «Флорентийский май» в 1962 г. Из Москвы вылетела группа артистов: А. П. Иванов, Л. И. Авдеева, А. П. Гелева, В. В. Ивановский и я. Кроме солистов, были приглашены: дирижер Б. Э. Хайкин, режиссер Л. В. Баратов и художник Н. Ф. Федоровская.

Итальянская публика проявляла необыкновенный интерес к опере. Спектакль имел большой успех.

Кроме Франции, Канады, США я выступал в роли Бориса в Швеции, Дании, Финляндии, Бельгии, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Румынии. Добавлю к этому, что грампластинки с записью «Бориса Годунова» с моим участием разошлись по всей Европе, выпускались в Японии и США. Многие из них удостоены премий и наград, таких как Гран при во Франции и приз «Эдисона» в Голландии.

Перечитывая написанное мною, я как бы заново осознаю для себя, какую огромную роль в моей творческой жизни сыграл М. П. Мусоргский. Думаю и о том, что, видимо, судьбе было угодно, чтобы я стал одним из самых активных пропагандистов творчества нашего гениального соотечественника.

Но сегодня я задаю себе и такой вопрос: «Почему же, когда сейчас идет речь (будь то радио, телевидение или печать) об исполнении произведений Мусоргского, мое имя почти никогда не упоминается?»...

Однако мне хочется закончить свое повествование мажорным аккордом.

Мне, конечно, приятно, что я с успехом выступал в операх Мусоргского у нас в стране и за рубежом, но меня еще больше радует то, что музыка нашего великого русского композитора становится популярной и любимой во всем мире.